

К 70-ЛЕТИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА СПбГУ

УДК 929

В. Н. Семенов

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Обстоятельства появления в Саратове А. А. Вознесенского в качестве ректора были весьма необычными. Ни один из его предшественников, как и последующих руководителей, в качестве совместителя в ректорское кресло не усаживался. Особенности военного времени привели к тому, что в Саратове оказались два российских университета, с особыми условиями их бытия — на одной территории, в одном помещении — и породили необходимость единого руководства. Но в немалой мере факт беспрецедентного совместительства двух ректорских должностей именно А. А. Вознесенским (более уместным, очевидно, был бы на этом необычном посту саратовский ректор — как «хозяин» принимающей стороны) стал возможным благодаря могущественной поддержке его со стороны центральных властей, где у ректора ЛГУ был «свой человек» — в лице родного младшего брата Николая Алексеевича, заметной фигуры в Правительстве, начальника Госплана СССР в то время. Заметим, однако, что последние высказанные соображения — это только допущение автора, основанное на анализе имеющихся фактов.

Александр Алексеевич Вознесенский родился в марте 1898 г. в селе Подмалиново Новосильского уезда Тульской губернии. Отец его был приказчиком, а затем сторожем, охраняющим частный лесной массив. Он умер в 1917 г. Мать была домохозяйкой.

Виктор Николаевич СЕМЕНОВ – в 1960 г. окончил геологический факультет Саратовского университета. Геофизик, кандидат геолого-минералогических наук, краевед, бард, автор многочисленных книг о Саратове и Саратовской области. Выпускающий редактор журнала «Недра Поволжья и Прикаспия».

Обстоятельства жизни Александра Алексеевича в детстве и юности неизвестны. Надо полагать, особого достатка в семье не было, а если учитывать, что глава ее скончался в 1917 г., то, наверняка, оставшиеся члены семьи узнали нужду и другие тяготы, вызванные и потерей кормильца и наступлением бедственных для всех российских сословий времен.

Среднее образование Александр Алексеевич получил еще до революции, а Октябрьскую революцию встретил с энтузиазмом и радостью. Известно, что осенью 1917 г. он поступил в Петроградский университет, где учился долгих 6 лет, и окончил факультет общественных наук в 1923 г. по специальности «теоретическая экономика».

Как следует из личного листка по учету кадров А. А. Вознесенского, учился он параллельно с работой в различных организациях (1917–1918 гг. — секретарь экономического отдела Петроградского райсовета, 1919–1921 гг. — уполномоченный Наркомпроса по педагогическому институту, 1922–1925 гг. — преподаватель политграмоты на рабочем факультете Горного института, 1922–1924 гг. — секретарь президиума факультета общественных наук Ленинградского госуниверситета). Скорее всего, это было связано с материальными трудностями — роскоши *только учиться* в те времена практически не имел никто — надо было зарабатывать на жизнь. Отметим и тот факт, что с юных лет Александр Алексеевич предпочитал подрабатывать не в качестве грузчика или дворника — как часто это случалось со студентами — а в качестве преподавателя или уполномоченного, что говорит о его ранней квалификации и целеустремленности.

На последних курсах Университета и сразу после его окончания определилось основное направление всей последующей деятельности Александра Алексеевича — педагогическое. Он преподавал в разных ленинградских вузах продолжительное время — иногда в нескольких одновременно, имел хорошие внешние данные и звучный голос, позволявший работать с большими аудиториями. Он неплохо владел предметом, получив достаточно глубокие и разнообразные знания на студенческой скамье. Все это предопределило уверенные шаги А. А. Вознесенского по служебной лестнице, помогло ему быстрее обрести опыт и авторитет в профессорско-преподавательской среде. Строки из автобиографии Александра Алексеевича:

«С 1923 по 1931 г. преподавал политическую экономию в Ленинградском государственном университете, по представлению которого в 1926 г. утвержден Государственным ученым советом в качестве доцента по курсу политической экономии. В 1930–1931 гг. состоял в должности профессора, руководил кафедрой советского права. В дальнейшем, в связи с выделением из Университета общественных факультетов в особый вуз — ЛИФЛИ, перешел на работу туда. В ЛИФЛИ работал в должности профессора и руководителя кафедры по 1936 г.

С 1925–1933 гг. работал в КОМВУЗе им. Н. К. Крупской, причем с 1927 по 1933 г. — в должности профессора, руководил экономической кафедрой, состоявшей из трех предметных комиссий. С 1937 по 1941 г. был профессором и завкафедрой юридического института».

Кроме того, с 1925 по 1937 г. Вознесенский работал еще и в Военно-морской академии в должности начальника кафедры, приравненной к военной должности батальонного комиссара.

Во всех документах А. А. Вознесенского отсутствуют какие-либо свидетельства об ученых степенях или о подготовленной и защищенной диссертации. В графе «ученая степень и звание» записано нестандартно — «профессор, кандидат». Все это может говорить о том, что особой склонности к научной деятельности Александр Алексеевич не имел, целиком посвящая себя учебной работе. Косвенно это может также говорить об определенных

«пробивных качествах» Вознесенского, сумевшего получить высокие профессорские должности в разных учебных заведениях и долго работать на них без принятого подтверждения своей научной состоятельности.

В 1939 г. Александр Алексеевич возвратился в родной Ленинградский университет, где начал работать заведующим кафедрой политической экономии в профессорском звании. Очевидно, и здесь он чувствовал себя уверенно, имея репутацию энергичного и знающего специалиста с хорошими административными способностями. Обстоятельств его назначения на пост ректора ЛГУ в 1941 г. мы не знаем, но можем предположить, что и выбор высоких инстанций, и согласие Александра Алексеевича принять эту ношу говорят в его пользу: конечно же, и местный обком, и Наркомпрос доверять одно из крупнейших и старейших учебных заведений страны в год тяжелых испытаний могли только надежному, сильному и умелому руководителю, а добрая воля новоназначенного ректора принять груз ответственности за Университет выявляет большой потенциал Вознесенского как крупного руководящего работника, не стоявшего в стороне от свалившихся на страну бед. Далеко не каждому это было по силам и в мирной обстановке, а уж в условиях войны, да еще начавшейся блокады — тем более.

Можно представить, какие хлопоты свалились на плечи ректора ЛГУ по организации эвакуации Университета зимой 1941/42 года. Нужно было быть исключительно сильным человеком — и физически, и духовно — чтобы вынести те нечеловеческие испытания: и голод, и холод, и военные опасности, и потери, и неразбериху, и лихорадочные сборы, спешную погрузку, отъезд, медленно бредущий по снежной дороге состав, постоянно задерживаемый на всех станциях, изможденные и больные люди в вагонах...

Нужна была особенная стойкость характера, чтобы и самому не впасть в пассивность и уныние, и передать свою уверенность в благополучном исходе многочисленным подчиненным — работникам, членам их семей, женщинам и детям, видевшим в Александре Алексеевиче своего «спасителя», который приведет их (а точнее, привезет) к цели трудного путешествия — в Саратов, где все как-то образуется.

15 февраля 1942 г. железнодорожный состав с эвакуированными прибыл в наш город, где их встречали как героев и сделали все возможное для размещения людей, их питания, адаптации к местным условиям. Уже через 10 дней после приезда и студенты, и преподаватели прибывшего Университета приступили к занятиям...

Говорят, что недостатки человека — это продолжение его достоинств. Именно это можно было проследить на примере сложной личности Александра Алексеевича Вознесенского. То, что в экстремальных военных условиях служило на пользу делу — напористость, энергия, решительность ленинградского ректора — в другой обстановке обернулось бесцеремонностью в общении с мирными и незащитными гражданами, умением решать собственные проблемы за счет других — гостеприимных «хозяев». Саратовский университет ощутил всю силу давления личности ректора ЛГУ, который, не удовлетворившись предоставленными ему помещениями, удобствами, фондами, созданными условиями, постоянно пытался увеличить или улучшить их, ущемляя тем самым интересы саратовской стороны. У Александра Алексеевича были широкие возможности для реализации своих планов, в первую очередь, с помощью полезных связей в Правительстве.

Следует отдать должное ректору ЛГУ: иногда после его очередной поездки в Москву доставалось кое-что и Саратовскому университету (речь идет, в первую очередь о скудных финансовых дотациях со стороны центра), но только «заодно» с ЛГУ, в русле соблюдения интересов последнего. В целом же вынужденное соседство с Ленинградским университетом и напористая деятельность его ректора приносили больше «убытков»

саратовской стороне — так считала В. А. Артисевич, тогдашняя и. о. ректора СГУ. Часто А. А. Вознесенский действовал в обход ректората СГУ, ставя на первое место интересы своего вуза и свои собственные. В конце концов Вера Александровна доложила в обком о своем видении ситуации, попросив как-то умерить «аппетиты» энергичного «постояльца». Но в обкоме заявили, что вмешательство в деятельность Александра Алексеевича недопустимо.

В результате Министерством и было принято беспрецедентное решение о временном административном объединении двух вузов. Ректором этого учебного новообразования был назначен Александр Алексеевич Вознесенский — только так можно было его заставить, сочли в Министерстве, одинаково заботливо опекать оба подчиненных ему вуза.

Что же представлял собой наш Университет в пору ректорства Вознесенского, в разгар сурового военного испытания?

Сохранилась копия акта о передаче дел в июне 1942 г. ректором В. А. Артисевич ее ленинградскому преемнику. В этом документе на 23 страницах отражено наличное имущество Саратовского университета, его структуры и подразделения, а также количественно охарактеризован профессорско-преподавательский состав и студенческий контингент. На основании выборочных данных из этого документа мы приводим интересующие нас сведения.

Итак, на 1 июня 1942 г. в состав СГУ входило 6 факультетов — физмат, химический, геолого-почвенный, биологический, географический, историко-филологический — и заочные отделения на факультетах — историческом, географическом и физико-математическом. На самостоятельном бюджете в Университете имелись: научная библиотека, столовая, физические мастерские. В составе всех факультетов было 38 кафедр, кроме того, имелось 6 общеуниверситетских кафедр.

В акте отмечено, что «в связи с обстоятельствами военного времени... проведена большая работа по пересмотру учебных планов в связи с переводом вузов с 5 на 3-летнее обучение». На указанное время в Университете было 17 научных работников со степенью доктора наук (на 1.06.1941 их было 12) и 49 человек со степенью кандидата (годом раньше — 64).

Контингент студентов был следующий: на очном отделении — 740 человек (на физмате — 116, геологов — 129, географов — 80, биологов — 84, химиков — 174, историков — 157). На заочном отделении числилось 710 человек. Общую стипендию получали 184 студента, стипендию им. Чернышевского — 3, стипендию им. Кирова — 2, стипендию ВЛКСМ — один студент.

В 1941/42 учебном году продолжительность рабочего дня в СГУ была установлена в 8 часов, в отдельных случаях — 10 часов. Зимние каникулы были отменены, а время на академическую и производственную практику значительно сокращено; 81 студент совмещал учебу с работой.

Большое внимание в Университете уделялось военно-физкультурной работе — «по линии приобретения практических навыков — на случай военного нападения» (к сожалению, не расшифровано, что именно за этим стояло). Указывалось также, что организована военно-санитарная подготовка — непосредственно в госпиталях.

Университет оказывал помощь сельскому хозяйству области. Из числа студентов 2 и 3-го курсов была организована группа в 150 человек — для подготовки трактористов. Группа в 25 человек прослушала курс агротехники и сдала зачет.

План научной работы в военное время был максимально приближен к нуждам обороны и народного хозяйства, хотя какая-то часть научных исследований проводилась

в теоретических областях. С оборонными предприятиями и заводами была налажена, как пишется, «прочная и деловая связь». Указывается множество номерных учреждений, упомянуты завод шарикоподшипников, военно-картографическая фабрика, различные НИИ, Сартэц, Саргрэс, завод им. Кирова и другие, по заявкам которых в Университете выполнялись научные исследования на физическом и химическом факультетах. На геологическом велись работы по выбору трассы строящейся железной дороги оборонного значения и проводилась разведка газовых месторождений близ Саратова. Среди тем теоретического характера упомянуты исследования профессора Вагнера в области современной геометрии. На кафедре языка и литературы закончены отдельные главы книги «Язык и стиль Радищевского “Путешествия”» (профессор А. М. Лукьяненко), на кафедре древней истории доцентом И. В. Синециным почти закончена работа «Предкифская культура Нижнего Поволжья». Назван ряд других тем и направлений.

В 1942 г. были защищены 2 докторские диссертации — доцентами Калягиным и А. Д. Фурсаевым, 2 готовы к защите и 4 близки к завершению. Совместно с Ленинградским университетом организован семинар по математическому анализу и математической физике (4 доклада — СГУ и 3 — ЛГУ). Научная конференция СГУ и ЛГУ была запланирована на конец июня 1942 г. — с целью показа взаимодействия науки с оборонными и промышленными предприятиями в годы войны.

В 1942 г. в аспирантуре СГУ числились 22 человека, 7 из них окончили ее в том же году.

Раздел «Состояние воспитательной работы» начинается фразой: «Коллектив студентов и научных работников в основной своей части в политико-моральном отношении является здоровым». Указано, что многие студенты пошли добровольцами на фронт. Девушки, окончившие Университет в 1941 и в 1942 гг., пошли в школы связистов и радиотехников. В период летних каникул все студенчество и много служащих и преподавателей работали в сельском хозяйстве Саратовской области. «В общей сложности за каникулярное время коллектив СГУ скошил и заскирдовал 10000 центнеров сена, убрал урожай на площади 6000 га, заготовил 2500 кубометров дров, вырыл 5000 кубометров земли на спецработах, выгрузил 500 тонн угля для котельной СГУ, студенты СГУ апробировали свыше 15 000 га посевов».

Проводился сбор теплых вещей для фронта, прочитано в госпиталях и на предприятиях свыше 500 докладов, дано 35 концертов.

В разделе «Материально-техническая база» указаны здания и сооружения: учебный корпус 1, часть учебного корпуса 2, учебный корпус 3, здание канцелярии Университета. Помещение бывшей биржи на площади Революции было отдано под госпиталь. Кроме того, «в наличии» общежитие № 1 на Цыганской улице и общежитие № 2 — на Вольской. На Цыганской ул. проживало 250 студентов СГУ, 174 студента ЛГУ, 30 рабочих завода № 180, 50 бойцов автороты. 402 кв. метра отдано под нужды семей работников СГУ и 100 кв. метров — ЛГУ. В общежитии на Вольской ул. проживали 2 семьи научных работников Университета. Помимо жилого фонда СГУ имел газовый завод, здание столовой, гараж для автомашин, дачу, оранжерею, здание мастерских и надворные постройки при общежитиях и учебных корпусах. Отмечается изношенность всех помещений и необходимость их ремонта. Из автотранспорта СГУ имел в 1942 г. одну грузовую машину ГАЗ-АА (на ходу), одну легковую машину ЗИС-101 (в среднем ремонте), одну легковую машину ГАЗ-А (на капитальном ремонте).

При Университете имелись опытное поле и подсобное хозяйство — «в районе бронетанкового училища» — всего 80 га. Они снабжали овощами университетскую столовую.

В 1942 г. были посажены: картофель (16 га), капуста (8 га), огурцы (7 га), помидоры (7 га), арбузы и дыни (7 га), подсолнечник (5 га), корнеплоды (3 га), тыква (3 га), свекла (2 га), морковь (1 га), лук и люцерна, посеяно просо (1 га), ячмень (3 га), овес (4,5 га), пшеница (2 га). В подсобном хозяйстве имелись 15 телят и корова, а также «6 лошадей средней упитанности».

Вот он — наш Университет образца 1942 г. Не думаю, что все это сложное хозяйство сразу стало объектом опеки и внимания нового ректора. Интересовали последнего, скорее всего, лишь учебная, меньше — научная работа, а также зарплата и условия проживания. Кстати, сам Александр Алексеевич приехал в Саратов без семьи. Его жена, 3 сына и маленькая дочь из Ленинграда были эвакуированы в Свердловск, где, очевидно, жили родственники. В Саратове же Вознесенский вместе с основной частью сотрудников ЛГУ жил в гостинице «Россия», где ему была выделена комната. Конечно, ему было непросто здесь пребывать — чужой город, трудности с продуктами, семья далеко. Особенно тяжёлая обстановка сложилась во время сталинградской кампании — осенью 1942 г. и зимой 1942/43 г., когда Саратов, который считался прифронтовым городом, был наводнен войсками, ранеными, военной техникой. Но Александр Алексеевич был сильной личностью и умел работать в экстремальных условиях, проводя в ректорском кабинете все рабочее время и часто — сверх того. Еще в Ленинграде он занимался общественной работой, в Саратове же был избран членом Кировского райкома партии и регулярно участвовал в работе его пленумов.

В общем с ректорскими обязанностями А. А. Вознесенский справлялся. Никаких чрезвычайных событий, связанных с недосмотром или упущением ректората, в Университете не отмечено, что может считаться заслугой приезжего ректора, быстро разобравшегося в обстановке и выработавшего рациональный курс, коим в течение 2-х лет следовал университетский корабль, благополучно минуя «мели и рифы» военного времени.

О каких-то достижениях говорить не приходится — слишком уж неблагоприятное время было для реализации любых инициатив или планов, не обеспеченных хотя бы скромными дотациями из центра. Главное — Университет выжил, и большое спасибо за это и ректору Вознесенскому. Кроме ректорских обязанностей, он в качестве профессора читал студентам курс политической экономии, и делал это успешно, ибо предмет знал отлично и обладал талантом лектора.

Весной 1944 г. окончилась блокада Ленинграда, и по завершении очередного семестра коллектив ЛГУ начал экстренно собираться в дорогу. Отъезд ленинградцев прошел буднично — не было торжественного прощания — провожания, не было речей и пожеланий. И та, и другая сторона с облегчением расставались, устав от скученности и неудобств, связанных с совместным двухлетним «проживанием». Отбывал из Саратова и «ректор по совместительству», чьи полномочия окончились 11 июня 1944 г. В этот день он сдал дела новому ректору Н. И. Усову.

Центральные власти высоко оценили деятельность Вознесенского на посту ректора в военные годы. Вскоре после возвращения в Ленинград Александр Алексеевич был награжден орденом Ленина — как отмечено, «за руководство Университетом, за его успехи». В 1945 г. его наградили также медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Он оставался на посту ректора ЛГУ вплоть до 1948 г. В 1946—1947 гг. участвовал в составе советской делегации в работе Славянского конгресса в Белграде, был в командировке в Румынии и Польше, вел в Ленинграде большую общественную работу — состоял членом Василеостровского райкома партии, вице-председателем Славянского комитета СССР,

председателем оргкомитета Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, а потом членом его правления.

В 1948 г. Вознесенского ждало крупное повышение по службе — назначение министром просвещения РСФСР. Так высоко судьба не возносила ни одного нашего ректора. Но она же уготовила Александру Алексеевичу и трагический финал. Вскоре прогремело по стране печально знаменитое «Ленинградское дело», в котором оказались «замешаны» оба брата Вознесенских. Обстоятельства их ареста, обвинения и суда над ними мы здесь рассматривать не будем. «Дело» это, конечно, явилось очередным мероприятием НКВД «по борьбе со шпионажем и вредительством». Оба брата были приговорены к высшей мере и расстреляны, по некоторым данным, в конце 1949 г. Более точную дату их ухода из жизни можно установить, лишь обратившись в органы безопасности Санкт-Петербурга. Братья Вознесенские впоследствии были реабилитированы...

Александр Алексеевич вступил в ряды ВКП(б) в 1927 г. и более 20 лет верно служил идеям марксизма-ленинизма на посту профессора и ректора высшего учебного заведения. Эта была сильная активная натура, он много и усердно работал, искренне веря в правоту дела, которому служил. Страдания его на исходе жизни совершенно неадекватны его прегрешениям, и ныне уместно помянуть его «тихим добрым словом». Будем же помнить о нем и представлять его живым и деятельным — каким он был на посту Саратовского университета.

Статья поступила в редакцию 6 сентября 2010 г.